

О.С. Поршнева, И.В. Даренская

«ВОЕНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ» НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг. КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: ЗАДАЧИ, МЕХАНИЗМЫ, ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)*

В советской России социальная мобилизация как метод управления получила широкое развитие на основе опыта мировой войны после революции 1917 г., когда стала формой реализации большевистского властного проекта по переделке мира и человека. Важной предпосылкой утверждения мобилизационных методов управления были представления элиты о перманентной военной угрозе советскому государству со стороны капиталистических держав.

Мобилизационные кампании были мощным инструментом индоктринации и социализации, демонстрации внешнему миру единства советского общества, поэтому большевики активно использовали их в связи с «военными тревогами» 1923, 1924, 1927 г.¹ Интенсивность социальной мобилизации возрастала в переломные периоды в истории советского общества, одним из которых была эпоха «революции сверху» 1929–1932 гг. В годы, предшествовавшие «великому перелому», милитаризация общественной жизни и общественного сознания приобрела особое значение. Она была призвана обеспечить социальную поддержку курса на смену модели развития, канализировать недовольство народа в сторону внешних и внутренних врагов, блокировать возможное сопротивление методам «большого скачка». Особую роль в реализации этих задач сыграла ситуация, порожденная «военной тревогой» 1927 г., позволившая сталинской группе укрепить свои позиции в борьбе с политической оппозицией, обосновать необходимость репрессий, чрезвычайных мер управления. На ее воз-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

¹ Velikanova O.V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers. New York, 2013. P. 22–117.

никновение повлияли обеспокоенность властей общим состоянием тыла, морально-политическими настроениями населения, пораженческими настроениями в пролетарской среде, а также преувеличенно пессимистическая оценка международной ситуации². Как показала О.В. Великанова, существовали различия в ее истолковании представителями советской элиты (НКВД, Коминтерном, ОГПУ, НКО, оппозицией). Характеризуя особенности восприятия международной обстановки на рубеже 1920–1930-х гг. Сталиным и его окружением, исследователь отметила важную особенность: внутренние и внешние угрозы были в их воображении неразделимы³.

В условиях внешнеполитического кризиса, вызванного прежде всего разрывом отношений с Англией в 1927 г., содержание советской внешнеполитической пропаганды определяли тезисы о враждебности империалистических держав, необходимости использования их взаимных противоречий, неизбежности новой войны против СССР.

Взгляд на будущую войну как неизбежность был сформулирован на Пленуме ЦК и ЦКК в июле–августе 1927 г. и подтвержден на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. В резолюции XV съезда ВКП(б) говорилось, что «капиталистическое развитие в целом обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мирной “передышки”, приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов», что означало для СССР, как отмечалось в материалах съезда, «нарастающую напряженность в отношениях с капиталистическими странами, политика которых становилась все более враждебной по отношению к СССР и создавала прямую угрозу империалистического нападения извне»⁴.

На местах партийные руководители транслировали официальные установки. В докладе заведующего АПО Тагильского окружкома ВКП(б) Уральской области Аксенова, сделанном в 1928 г. в связи с 10-летием РККА, говорилось, что мирное сосуществование с империалистическими странами «не должно затушевывать военной опасности». «Стремясь к миру, – говорил докладчик, – мы должны быть готовы к войне. Мы войны не хотим. Наше правительство и компартия

² Симонов Н.С. «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–156.

³ Velikanova O.V. Op. cit. P. 52.

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1927–1931. М., 1970. С. 14–15.

боролись и будут бороться за мир, но если на нас нападут, мы должны будем дать сокрушительный отпор нашим врагам»⁵.

Военная тревога и представления о растущей военной угрозе были связаны на рубеже 1920–1930-х гг. не только с обострением отношений с Великобританией, но и с конфликтом на КВЖД в 1929 г., опасениями создания антисоветского польско-румыно-французского блока после прихода в Польше к власти Пилсудского, вторжением Японии в Маньчжурию в 1931 г. В связи с мировым экономическим кризисом 1929–1932 гг. внешнеполитическая риторика официальной советской пропаганды стала еще более наступательной, предвещающая обострение классовой борьбы в западном мире и окончательный крах капитализма.

В августе 1930 г., в связи с решениями XVI съезда ВКП(б), агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу о «постановке иностранной информации в печати». В принятом постановлении ставилась задача обеспечивать «интернациональное воспитание трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма»⁶. Для этого требовалось посредством широко, систематически поставленной, надлежащим образом комментированной и обработанной внешнеполитической информации «в максимальной мере показать отрицательные стороны капиталистической системы»⁷.

Угроза войны выявила целый спектр общественных настроений: от искреннего желания немедленно встать на защиту социалистического государства до ожиданий войны и иностранного вторжения как единственного способа свергнуть власть коммунистов.

В информационных сводках ЦК ВКП(б) за 1927 г., охватывающих все районы страны, отмечается, что большинство крестьянского населения войны не хочет, но в случае ее начала готово защищать СССР⁸. В то же время в деревне проявлялись пораженческие и антисоветские настроения⁹. Многочисленные свидетельства, исходившие из среды рабочих, говорили об их «военном нетерпении», поддержке актив-

⁵ Нижнетагильский городской исторический архив (далее – НТГИА). Ф. 70. Оп. 1. Д. 472. Л. 13.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 444. Л. 114.

⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 16.

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 17.

⁹ Там же.

ных действий СССР на международной арене, в том числе, военного характера, недовольстве «уступчивостью» советского правительства перед лицом зарубежных капиталистов¹⁰, что свидетельствовало об определенной эффективности пропагандистских усилий власти. Однако пораженческие настроения имели место и среди рабочих. В информационной сводке ЦК ВКП(б) отмечалось: «Возможность войны у отдельных рабочих вызывает боязнь иностранной техники, неуверенность в поддержке со стороны рабочих Запада, опасение голода и неверие в победу над империалистами. Наиболее отсталая часть рабочих поддается панике, старается запастись продуктами на случай войны»¹¹.

На Урале рабкоры и селькоры сообщали, что в связи с возможностью войны многие бросились запасать продукты питания, мануфактуру¹². Среди населения проявлялись неуверенность и сомнения: «Мы тратим миллионы рублей на постройку новых фабрик и заводов, но мало что делаем для их защиты. Сможем ли мы предостеречь от гибели жен и детей?»¹³, «Если будет война, то какие результаты получит советская власть?», «Могут ли капиталисты убить Советский Союз?», «Если нас разобьют, что партия будет делать?»¹⁴ и т. д.

Угроза войны дала новый импульс антикоммунистическим настроениям, бытовавшим в разных слоях населения. В сводках ОГПУ по Уральской области приводились высказывания: «Если не будет войны, то совсем замучают нас с голоду. Плохо зажимает Китай. Скорей бы война. Тогда может быть будет лучше, а то коммунисты только стремятся ограбить да обмануть рабочего»¹⁵. Рабочий Нижнетагильского завода (Сурин) говорил: «Война будет обязательно и очистит наше государство от всех коммунистов, а также убийц и беспредельщиков, кто стоит за советской властью»¹⁶. Бузунова Мария Михайловна, солдатка, с надеждой высказывалась: «Скорей бы война, тогда скорей бы свернули коммунистам голову»¹⁷. Лабанов Алексей Лаврентьевич, вскоре арестованный за антисоветские высказывания, заявлял: «Скоро придет наша власть из Китая, тогда зададим всем жару, а коммунистов перевешаем»¹⁸ и т. п.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 14.

¹¹ Там же.

¹² Там же; Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПГАНИ). Ф. 1095. Оп. 1. Д. 297. Л. 35.

¹³ НТГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1146. Л. 127.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 514. Л. 123.

¹⁵ НТГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 811. Л. 317.

¹⁶ Там же. Л. 234.

¹⁷ Там же. Л. 320.

¹⁸ Там же. Л. 326.

Те, кто верил в неизбежную войну, в качестве возможных агрессоров называли Китай, Англию, Румынию, Польшу. В одном из передаваемых слухов говорилось: «Румыны объявили войну СССР, а на китайской границе стоят вооруженные войска, ждущие, чтобы начать поход на СССР»¹⁹.

Советская пропаганда усиленно работала над внедрением в сознание общества представлений о неизбежности справедливой оборонительной войны против империалистических держав, добившись распространения в массовом сознании соответствующих внешнеполитических стереотипов. Об их усвоении людьми свидетельствуют источники личного происхождения и материалы политического контроля²⁰. Особенно сильно пропаганде была подвержена молодежь, получившая образование в постреволюционный период, увлеченная, в духе времени, идеями преобразования мира²¹.

Оценивая общественные настроения, необходимо отметить, однако, что позитивное отношение к возможной войне и упования на нее были характерны для незначительной части населения. Основная масса жителей города и деревни, помня последствия мировой и Гражданской войн, не желала повторения военных потрясений, допуская необходимость только оборонительных действий.

Понимание реалий будущей войны, в которую окажется вовлечено гражданское население, осознание слабостей существующей системы военной подготовки, стремление сформировать «нового человека» обусловили разработку военным руководством программы «военизации», выдвинутой еще в 1924 г. Содержание плана «военизации» можно проследить по решениям I Всесоюзного съезда военно-научных обществ (ВНО) в марте 1926 г. В них намечалась реализация следующих мер: обеспечения проникновения идей защиты страны в «толщу населения»; «культивирования населения» (выработки выносливых, физически развитых людей, бесстрашных, воодушевленных идеей мировой социалистической революции); овладения знанием тактики действий военных формирований всем гражданским населением; обеспечения населения в мирное время техническими средствами обороны; точной выработки планов мобилизации²².

¹⁹ НТГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1162. Л. 173.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 12–17; Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 90–92.

²¹ Голубев А.В. Указ. соч. С. 91, 128; Рабочий. 10 марта 1928 г. № 60; Там же. 5 апреля 1928 г. № 81 (673).

²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9403. Оп. 1. Д. 16. Л. 126–128.

Создание ОСОАВИАХИМа (Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству) в январе 1927 г. как массовой парамилитаристской организации, призванной готовить резервы для армии, стало важным каналом социальной мобилизации. Это было «детище» советской военной элиты, в руководящие органы которого в предвоенное десятилетие входили К.Е. Ворошилов, С.С. Каменев, Л.П. Малиновский, И.С. Уншлихт, Р.П. Эйдеман и др.²³ Одной из основных задач общества являлась ликвидация военной неграмотности всех групп населения, что рассматривалось советским руководством как залог обеспечения обороноспособности страны²⁴. Изучение военного дела, согласно лозунгам, тиражируемым центральной и местной прессой, являлось прямой обязанностью каждого гражданина СССР.

Наибольшая активность осовавиахимовских организаций относится к периоду первых пятилеток. Если к началу 1928 г. в целом по стране в общество вступило 3 млн членов, то к концу первой пятилетки численность организации, согласно официальной статистике, превысила десятиmillionный рубеж и составила 12 млн, через три года – 13 млн чел.²⁵ Уралосоавиахим считался одной из самых крупных областных организаций. На рубеже 1920–1930-х гг. он объединял 15 окружных обществ и 3 национальных окружных совета. В январе 1928 г. на Урале были зарегистрированы 134 886 осовавиахимовцев, к 1930 г. их стало в два раза больше²⁶. Уральские осовавиахимовские организации развивались в количественном отношении «ускоренными темпами»: погоня за темпом роста определялась партийными установками. Руководство региона поставило задачу к концу 1932 г. увеличить численность осовавиахимовских организаций Урала до 1,5 млн чел.²⁷

Если количественный рост не вызывал сомнений, то «качественный» состав организаций не соответствовал властным установкам. Руководство областной партийной организации настаивало на обеспечении высокого представительства рабочих, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, женщин. Сопоставление данных позволяет констатировать рост представителей этих категорий в количественном отношении,

²³ Никонова О.Ю. ОСОАВИАХИМ и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе (1927–1939 гг.). Автореф. дис. докт. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 31.

²⁴ Санаев П.А. Коммунисты – организаторы осовавиахимовской работы на Урале накануне Великой Отечественной войны // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1975. С. 39.

²⁵ Никонова О.Ю. Указ. соч. С. 32.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 701. Л. 1–2.

при снижении их процентной доли в общем составе членов ОСОА-ВИАХИМа. Особенно ярко эта тенденция проявилась в снижении доли членов ВКП(б) и ВЛКСМ в общем числе осоавиахимовцев, сократившейся с 1929 по 1931 г. с 34,3 % до 25,4 %. Также отсутствовала положительная динамика в увеличении доли женщин среди членов организации, а увеличение доли рабочих среди общего числа осоавиахимовцев составило менее процента при отрицательной динамике в 1930 г.²⁸

Осложнение международной ситуации и усиление «наступательности» советской пропаганды обусловили нарастание агрессивности мобилизационных кампаний. Это проявилось, в частности, в ходе «Недели обороны», проходившей 15–25 ноября 1930 г. В инструктивном письме зав. отделом агитации и массовых кампаний Центрального Совета Союза ОСОАВИАХИМа СССР Я. Хмелевского, присланного в Уральское отделение организации, приводился список лозунгов, в соответствии с которыми рекомендовалось организовывать массовые военно-патриотические кампании. Среди них были следующие: «Большевистскими темпами строительства и неистовым укреплением обороны – сделаем непобедимой страну Советов»; «Советскому Союзу нужен мощный военный воздушный флот!»; «Мобилизуем массы на укрепление авиационной промышленности»; «Военизация массовой работы профсоюзов – боевая задача дня»; «Подготовим детей пролетарской страны к борьбе за социализм»; «Вступайте в юные друзья обороны», «Мы хотим мира, но каждую минуту должны быть готовы к решительному отпору врагам социализма»; «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли ни вершка не отдадим никому»; «Осоавиахимовец – выполнил ли ты свой боевой промфинплан?»; «Через социалистическое соревнование и ударничество – поднимем боевую подготовку трудящихся»; «Политическое воспитание – мощный фактор в подготовке бойца – осоавиахимовца» и т. д. Эти лозунги, а также практика их реализации, показывают, что военизация должна была, по замыслу партии, охватить все сферы общественной жизни и слои населения.

ОСОАВИАХИМ проводил военные игры, тактические учения, собрания, митинги, «Дни и недели обороны», под его эгидой работали аэро-, мото-, стрелковые клубы. В ряде городов Урала действовали Дома обороны, где была сосредоточена работа военных кружков²⁹. Данные официальной статистики позволяют говорить о более

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 701. Л. 1–2.

²⁹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 2516. Оп. 1. Д. 313. Л. 1–5.

активном участии в работе осоавиахимовских организаций населения крупных городов и заводских поселков, где размещались предприятия уральской промышленности, участвовавшие в создании их инфраструктуры, закупке инвентаря³⁰.

Повседневная деятельность осоавиахимовских организаций осложнялась рядом существенных проблем. Одной из них было недостаточное развитие материальной базы: местное руководство не могло обеспечить все секции необходимыми инвентарем и помещениями³¹. Погоня за массовостью привела к распространению практики 100 %-го вступления в общество всех членов трудовых коллективов по постановлениям их собраний, что неизбежно вело к формализму в работе. Распространенным явлением был бюрократизм местных организаторов, бичевавшийся в критических письмах в газеты³². Характерной в этом отношении была заметка рабкора «Эпн», где говорилось: «Вовсе заснули, собираются раз в 3 месяца. На свердловском прииске членов ОСОАВМОХИМа 80 человек, но никакой работы не ведется. Лишь морят ребят лекцией о единственной имеющейся английской винтовке»³³.

Отличительной чертой деятельности Осоавиахима была практика «добровольных» (а по сути обязательных) отчислений в различные фонды и общественные организации, вызывавшая недовольство его членов. В сводках информаторов присутствовали жалобы на увеличение размера отчислений в различные фонды и их большое количество³⁴. Мобилизация средств на оборонные нужды осуществлялась также через проведение лотерей, приобретение билетов которых было обязанностью граждан. Принудительный характер распространения лотерейных билетов среди населения позволил организаторам кампаний за весь предвоенный период собрать в целом по стране 1 млрд 183 млн руб.³⁵

Мероприятия «военного цикла», несмотря на ажиотаж в прессе, часто были неэффективными и не пользовались особым интересом среди населения. Первая «Неделя обороны» в 1927 г. на Урале прошла с опозданием, прирост членов общества и сбор средств были признаны неудовлетворительными. Чтобы совсем не провалить ответственное дело, местное руководство объединило ее мероприятия

³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 701. Л. 1–2.

³¹ Рабочий. 15 июля 1928. № 163.

³² Рабочий. 26 апреля 1928 года. № 97 (689); Там же. 12 марта 1928 года. № 62.

³³ Рабочий. 26 апреля 1928 года. № 97 (689).

³⁴ ГАСО. Ф. 2516. Оп. 1. Д. 324.

³⁵ Санаев П.А. Указ. соч. С. 44.

с празднованием освобождения края от Колчака³⁶. В 1928 г. «Неделя обороны» в Уральской области, проводившаяся с 15 июля по 2 августа, снова была приурочена к этой годовщине.

В заметках корреспондентов описывались трудности, связанные с массовой неявкой членов ОСОАВИАХИМа на собрания, нежеланием реально участвовать в подготовке кампаний³⁷. Репетиции социальной роли «солдата пролетарской революции», который должен был уметь владеть винтовкой и проявлять готовность «защищать завоевания пролетариата»³⁸, проходили во время военных сборов, которые часто напоминали плохо отрепетированные спектакли³⁹.

Для исправления ситуации и «возбуждения интереса» к военно-патриотическим мероприятиям политика памяти о военно-революционных событиях общероссийской и региональной истории стала использоваться в этих кампаниях более последовательно и целенаправленно⁴⁰.

Особый упор в программе военизации был сделан на подготовке молодежи. Предполагалось завершить программу общей физической подготовки в допризывном возрасте, психофизической подготовки; повсеместно организовать военные уголки в школах, военно-технические кружки во втузах, военные кружки в клубах; «популяризовать» историю Гражданской войны, Красной армии, общие военные знания⁴¹. В качестве основной формы военизации молодых людей выступало их участие в работе военных кружков (стрелкового, авиамодельного, санитарного), в которые советское и партийное руководство стремилось вовлечь все молодое поколение страны. Для популяризации этой программы использовались новые молодежные праздники, в частности «Международный юношеский день» (МЮД), отмечаемый 2 сентября. В 1928 г. он проходил, как сказано в информационном отчете окружного комитета ВЛКСМ за сентябрь 1928 г., «на фоне обнаженной подготовки к войне против СССР»⁴².

Программа военизации предусматривала вовлечение в военное обучение не только взрослого населения, молодежи, но и детей⁴³. Окружные и городские комитеты ВКП(б) рекомендовали всем пи-

³⁶ Никонова О.Ю. Указ. соч. С. 36–37.

³⁷ Рудничные отстают. Военные сборы срываются // Рабочий. 1 августа 1928 года. № 168 (670).

³⁸ ЦДООСО. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 128. Л. 194.

³⁹ Первый сбор // Рабочий. 18 февраля 1928 года. № 33 (625).

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 9403. Оп. 1. Д. 16. Л. 120.

⁴¹ Там же. Л. 78, 85–85 об., 98–99.

⁴² ЦДООСО. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 128. Л. 193.

⁴³ Крепи оборону страны // Путь к коммуне. 27 ноября 1930 года. № 42 (1409).

онерским организациям принять активное участие в «Неделе обороны», предлагая организовывать экскурсии в воинские части, приглашать на сборы отрядов красноармейцев и участников Гражданской войны. В планах, разосланных по районам, фигурировали открытие военных уголков и выставок, массовые военные игры и соревнования между военными кружками, устройство детских праздников⁴⁴.

Таким образом, на рубеже 1920–1930-х гг. массовая военизация всех социальных категорий населения получила новый импульс, связанный с реализацией курса форсированного развития, индустриализации и коллективизации. Милитаризация общественной жизни, канализация общественного недовольства в направлении внешней угрозы и внутренних врагов были призваны обеспечить поддержку – нейтрализовать сопротивление политике «большого скачка». Военизация населения, начавшаяся в середине 1920-х гг., приобрела после «военной тревоги» 1927 г. характер перманентной социальной мобилизации. Ее характерными чертами были нагнетание атмосферы внешней угрозы, мобилизация ресурсов, подготовка резервистов на случай войны, всеобщая «военная социализация» и военное обучение, использование с этой целью всей системы общественных организаций, ядром которых был ОСОАВИАХИМ. Однако в ходе военизации проявились характерные черты социальных мобилизаций сталинской эпохи: мощное пропагандистское обеспечение, погоня за массовостью и рекордами, формализм, бюрократизация управления процессами и структурами, дефицит необходимых ресурсов, апелляция к энтузиазму. Военизация была одним из путей культивирования «нового человека», получив наибольший отклик среди молодого поколения. Восприятие военной угрозы, характер участия населения в парамилитаристских организациях свидетельствует также о пределах социального инжиниринга в раннесоветском обществе.

⁴⁴ Рабочий. 17 июля 1928 года. № 164.